
ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ ҚЫЛМЫСТЫҚ ІС ЖҮРГІЗУ УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURE

DOI 10.31489/2022 L1/55-65

УДК 342.9

Е.В. Мицкая*

*Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова, Шымкент, Казахстан
(E-mail: elenamits@mail.kz)*

Повышение эффективности реализации антикоррупционной стратегии через совершенствование Уголовного кодекса Республики Казахстан

В статье с целью выработки предложений по усилению ответственности за коррупционные правонарушения на основе сравнительно-правового метода, толкования уголовно-правовых норм обращено внимание на научно обоснованный характер имплементации международных стандартов противодействия коррупции в национальное уголовное законодательство с учетом доктрины казахстанского уголовного права. Выполнение некоторых рекомендаций 4-го раунда мониторинга Стамбульского плана действий по борьбе с коррупцией чревато проблемами применения норм уголовного закона в силу того, что они противоречат доктрине казахстанского уголовного права. Обращая особое внимание на предложения усилить ответственность за коррупционные правонарушения, изложенные в новой Концепции антикоррупционной политики Казахстана, автор предлагает имплементировать только те нормы международных стандартов противодействия коррупции, которые не противоречат доктрине казахстанского уголовного права. Необходимо устранить ограничительное понимание предмета взятки только имущественными благами, расширить понимание публичного должностного лица, закрепить необоснованное обогащение, исключив тем самым ограниченность распространения репрессивной силы уголовного закона на проявления коррупции. При этом важно рассмотреть возможность использования и внутреннего ресурса уголовно-правовой борьбы с коррупцией, внести соответствующие предложения по корректировке Уголовного кодекса Республики Казахстан, в том числе и по устранению дублирования коррупционных правонарушений в нем и административном законодательстве.

Ключевые слова: коррупция, международные стандарты противодействия коррупции, уголовный закон, усиление ответственности за совершение коррупционных правонарушений, предложение, обещание незаконного вознаграждения, торговля влиянием, незаконное (необоснованное) обогащение, публичное должностное лицо.

Введение

Борьба с коррупцией имеет глобальное измерение [1; 168]. И, бесспорно, противодействие коррупции возможно в рамках одного государства путем объединения усилий всего общества и государства. Нужна воля не только граждан противостоять коррупции, но и воля государственная, определяемая политикой антикоррупционной борьбы. На сегодняшний день не требует доказательств то, что коррупция несет в себе разрушение всего социального капитала общества [2–4]. В коррупции сочетается частное и публичное [5; 22; 2; 2]: чиновники, являясь должностными лицами и пользуясь государственной властью, в силу своего служебного положения, удовлетворяют через коррупцию свой частный интерес, получая определенные блага незаконным путем. Причем, коррумпированы они могут быть в том числе и гражданами, не являющимися государственными служащими. Становясь системой [4; 74], коррупция нивелирует возможности граждан быть честными и противостоять ее распространению [6; 5].

Вот почему Казахстан, формируя суверенную государственную политику, одним из ее главных приоритетов выбрал борьбу с коррупцией. В Стратегии развития «Казахстан — 2050», принятой в 2012 г., Лидер нации Н.А. Назарбаев обращал внимание на то, что «коррупция – не просто правонарушение. Она подрывает веру в эффективность государства и является прямой угрозой национальной безопасности. Мы должны резко усилить борьбу с коррупцией, в том числе посредством совершенствования антикоррупционного законодательства, с тем чтобы достичь нашей конечной цели — искоренить коррупцию как явление» [7].

Надо сказать, что за долгие годы неустанной борьбы с коррупцией Казахстан добился определенных успехов. Так, за 2020 г. Казахстан, обогнав своих ближайших соседей — Россию, Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан и Кыргызстан, занял 94-е место из 180 стран в международном Индексе восприятия коррупции (для сравнения: 2019 г. — 113-е место, 2018 г. — 124-е место) [8]. Достичь таких результатов стало возможно благодаря формированию в обществе системы добропорядочности и антикоррупционной культуры [9; 13]. Существенную роль сыграло проведение административной реформы, в рамках которой совершенствованию подвергся государственный аппарат через устранение дублирующих функций и расширение оказания публичных государственных услуг населению в электронном формате, исключая непосредственное общение с чиновником и имеющим деперсонализированный характер [10; 7]. Проведена модернизация государственной службы. При том, что реформирование государственной службы является труднопреодолимой задачей правительства [11; 207], а какой-то одной теоретической модели государственной службы для всех государств не существует [12]. Введенное декларирование доходов государственных служащих позволило обеспечить контроль за их расходами, когда они не соответствуют доходам. Благодаря чему усилилась прозрачность и открытость органов публичной власти, а предоставление государственных услуг стало быстрым и необременительным. И, конечно же, был принят ряд законов, направленных на борьбу с коррупцией, к числу таких относятся: « О противодействии коррупции», « О государственных услугах», «О государственном контроле и аудите», «О государственных закупках», «Об общественных советах», «О доступе к информации» и др.

Действующее казахстанское административное законодательство к коррупционным правонарушениям относит: предоставление незаконного материального вознаграждения физическими лицами; получение незаконного материального вознаграждения лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций, либо приравненным к нему лицом; предоставление незаконного материального вознаграждения юридическими лицами; осуществление незаконной предпринимательской деятельности и получение незаконных доходов государственными органами и органами местного самоуправления; непринятие мер руководителями государственных органов по борьбе с коррупцией; принятие на работу лиц, ранее совершивших коррупционные преступления [13]. УК РК имеет специальною главу, в которой закреплены составы коррупционных правонарушений, но и в других главах также есть составы, отнесенные к коррупционным. В УК РК 17 составов коррупционных преступлений: присвоение или растрата вверенного чужого имущества (п. 2 ч. 3 ст. 189 УК); мошенничество (п. 2 ч. 3 ст. 190 УК); легализация (отмывание) денег и (или) иного имущества, полученных преступным путем (п. 1 ч. 3 ст. 218 УК); экономическая контрабанда (п.1 ч. 3 ст. 234 УК); рейдерство (п. 2 ч. 3 ст. 249 УК); злоупотребление должностными полномочиями (ст. 361 УК); превышение власти или должностных полномочий с причинением существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций, либо охраняемым законом интересам общества или государства (п. 3 ч. 4 ст. 362 УК); незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 364 УК); воспрепятствование законной предпринимательской деятельности (ст. 365 УК); получение взятки (ст. 366 УК); дача взятки (ст. 367 УК); посредничество во взяточничестве (ст. 368 УК); служебный подлог (ст. 369 УК); бездействие по службе (ст. 370 УК); злоупотребление властью (ст. 450 УК); превышение власти или служебных полномочий начальником или должностным лицом в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц, или организаций либо нанесения вреда другим лицам и организациям, повлекшее существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства (п. 2 ч. 2 ст. 451 УК); бездействие власти (ст. 452 УК) [14]. Тем не менее «действующее законодательство и присущие для казахстанского права институты обладают неиспользованным потенциалом для противодействия коррупции» [15]. В данной связи, продолжая начатую работу, заложившую основу «нулевой» терпимости к коррупции,

была принята Антикоррупционная стратегия на 2015–2025 гг. Однако предлагаемые в проекте Концепции антикоррупционной политики на 2022–2026 годы [16] некоторые изменения УК РК по усилению ответственности за совершение коррупционных правонарушений требуют широкого обсуждения. В данной статье предпринята попытка осмыслить с точки зрения системности национального уголовного законодательства перспективы криминализации предложения, обещания незаконного вознаграждения, торговли влиянием и других предложений по совершенствованию казахстанского уголовного закона в свете рекомендаций 4-го раунда мониторинга Стамбульского плана действий по борьбе с коррупцией Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Методы и материалы

Проведение данного исследования основывалось на общенаучном методе диалектического познания. Кроме того, были использованы такие частно-научные методы познания, как историко-правовой, формально-логический, сравнительно-правовой, статистический, системно-структурный, которые помогли раскрыть суть уголовно-правового противодействия коррупции в контексте социально-правового развития. Методология исследования основывалась на анализе норм международных стандартов противодействия коррупции, уголовного законодательства Республики Казахстан и некоторых зарубежных стран.

Результаты и обсуждение

С момента приобретения независимости и по настоящее время казахстанское уголовное законодательство меняется в сторону усиления ответственности за совершение коррупционных преступлений. А именно в УК РК находят закрепление:

- запрет на назначение осужденным за коррупционные преступления условного осуждения;
- ограничение на условно-досрочное освобождение за коррупционные преступления (данный вид освобождения стал невозможен за тяжкие и особо тяжкие коррупционные преступления, за исключением, если они совершены: 1) беременными женщинами или имеющими малолетних детей, а также достигшими 58-летнего возраста и выше; 2) мужчинами, воспитывающими в одиночку малолетних детей или достигших 63-летнего возраста и выше; 3) инвалидами первой или второй группы; 4) осужденными, которые заключили процессуальное соглашение о сотрудничестве и выполнили все условия данного соглашения);
- запрет на освобождение лиц, совершивших коррупционные преступления, от уголовной ответственности в связи с примирением сторон;
- ограничение на освобождение от уголовной ответственности за коррупционное преступление в связи с деятельным раскаянием — освобождение возможно только судом и только для лиц, впервые совершивших данное преступление;
- запрет на освобождение от уголовной ответственности за коррупционное преступление в связи с установлением поручительства;
- кратность суммы штрафов за взяточничество от суммы взятки (с последними изменениями в УК РК кратность повышена, и минимальный размер штрафа увеличен вдвое);
- ужесточение наказания за получение взятки для судей и работников правоохранительных органов;
- ужесточение наказания за получение, дачу взятки и посредничество в ее получении, передаче – повышены размеры кратности штрафов, верхний предел срока лишения свободы стал до 7-и лет, был до 5-и лет.

По всем коррупционным преступлениям предусмотрены два дополнительных вида наказания — обязательная конфискация имущества и пожизненное лишение права занятия определенной должности в государственных органах и организациях (ранее лишение права занимать определенные должности или осуществлять определенную деятельность применялось до 7-и лет).

И, несмотря на снижение коррупционных правонарушений, в целом, по стране [17; 30], сумма причиненного ущерба по уголовным делам, расследуемым, например, Антикоррупционной службой РК, за последние три года, наоборот, растет [18]. Вопросы усиления уголовной ответственности по коррупционным преступлениям для Казахстана остаются очень важными и актуальными. Однако некоторые предложения новой разработанной Концепции антикоррупционной политики РК по

изменению УК РК на основе рекомендаций 4-го раунда мониторинга Стамбульского плана действий по борьбе с коррупцией идут в разрез с устоявшейся доктриной уголовного права Казахстана. Они способны сделать противодействие коррупции малоэффективным из-за проблем их применения. В силу этого с некоторыми предложениями сложно согласиться и принять их.

Так, введение уголовной ответственности за обещание получить взятку и предложение дачи взятки видится несостоятельным.

Во-первых, нельзя исключать того, что лицо может дать обещание получить взятку, как и сделать предложение дать взятку, но в момент ее передачи или до ее передачи категорично и добровольно откажется от ее получения, а добровольный отказ от получения взятки в силу ст. 26 УК РК исключает привлечение к уголовной ответственности. Следовательно, обещание получить взятку в этом случае может стать просто не применяемым на практике, лицо не будет подлежать уголовной ответственности. Во-вторых, если обещание получить взятку или предложение дачи взятки криминализировать, то это действие получает наивысшую степень криминализации, поскольку обещание получить взятку будет приготовлением преступления, но за приготовление ответственность наступает по действующему УК РК только за тяжкие или особо тяжкие преступления, а также за приготовление к террористическому преступлению. Соответственно, не все составы получения взятки относятся к тяжким и особо тяжким, а введя уголовную ответственность за обещание получить взятку, – это, значит, либо надо все составы получения взятки уравнивать и сделать тяжкими и особо тяжкими, либо вводить уголовную ответственность за приготовление к преступлению средней тяжести, тем самым нивелируя разницу между приготовлением и покушением. К тому же обещание получения взятки становится в один ряд с приготовлением к террористическому преступлению, что нарушает понимание степени общественной опасности уголовно-наказуемых деяний. В-третьих, мысль, выраженная вслух, в данном случае, пока не найдет внешней реализации, не может быть признана объективным признаком состава преступления. Это к тому, что обещание получить взятку или предложение дачи взятки без реального получения взятки или передачи взятки будет тяжело доказуемым на практике, потому что можно пообещать получить взятку или предложить дать взятку, но без истинного или реального намерения это сделать на самом деле. Причем субъективная сторона как элемента состава данного преступления не будет установлена в той достаточной мере, чтобы лицо привлечь к ответственности.

Наряду с этим, сложно разграничить предложение и обещание о незаконном вознаграждении, характеризующие стадию обнаружения умысла. Насколько криминализация обещания получить взятку и предложения дачи взятки будет устрашающей и эффективно сдерживающей от незаконного вознаграждения очень сомнительно, потому что на практике больше шансов у лица избежать уголовной ответственности, в силу недоказуемости реальных его намерений, чем быть привлеченным к ответственности за эти действия. Обещание получить взятку и предложение дачи взятки – это лишь намерение, но это не означает окончательного, безусловного выполнения данного намерения. Возникает вопрос: «А как должно быть выражено данное намерение – кивком головы, подмигнуть глазом или молчание – знак согласия?». Э.Л. Сидоренко, в частности, считает, что предложение о незаконном вознаграждении можно осуществить тремя способами — устно, письменно или конклюдентными действиями [19; 191]. Очевидно, что процессуальная доказуемость факта обещания получить взятку и предложения дачи взятки, даже при признании их окончанным составом преступления, не имеет четкого выражения, она размыта. Сложно будет отличить предложение и обещание о незаконном вознаграждении как окончанный состав от приготовления ко взяточничеству. Потому что при приготовлении ко взяточничеству предложение и обещание о незаконном вознаграждении охватываются стадией обнаружения умысла [20; 44].

Кроме того, согласно разъяснению Верховного Суда РК, ответственность за провокацию взятки по ч. 2 ст. 417 УК РК наступает лишь в случаях, когда попытка передачи предмета взятки осуществлялась в целях искусственного формирования доказательств совершения преступления или шантажа, и лицо, указанное в ч. 1 ст. 366 УК (т.е. взяткополучатель), заведомо для виновного не совершало действий, свидетельствующих о его согласии принять взятку [21]. К тому же в настоящий момент в рамках УК РК и УПК РК невозможно провести разграничение между допустимой имитацией взяточничества и его провокацией, что чревато также всевозможными коррупционными рисками. Тем не менее нельзя не сказать о том, что среди отечественных ученых есть поддерживающие введение уголовной ответственности за обещание дать взятку, предложение взять взятку, обращенные к публичному должностному лицу [22; 44].

В Кыргызстане, Узбекистане, Молдове, Азербайджане, Грузии уже криминализировали предложение и обещание о незаконном вознаграждении. В РФ установлена ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве (ч. 5 ст. 291–1 УК РФ). Однако данные изменения не то, чтобы улучшили борьбу с коррупцией, а создали проблемы квалификации составов взяточничества. Так, в Кыргызстане проблемы квалификации коррупционных преступлений были и без нововведений, но и в отношении них также возникают проблемы, связанные с их применением [23; 138]. В Узбекистане, например, первоначально в своем большинстве научные круги отрицательно отреагировали на рекомендации ОЭСР о криминализации предложения и обещания незаконного вознаграждения, но в последующем они были криминализированы, что повлекло за собой также проблемы квалификации [24; 116, 117]. Сложности доказать предложение и обещание о незаконном вознаграждении возникают и в Армении, свидетельствуя о низкой эффективности применения данных норм уголовного закона [25; 48, 49].

Российские исследователи разделились во мнении за и против криминализации при посредничестве обещания или предложения о незаконном вознаграждении. Одни, обращая внимание на то, что «установление уголовной ответственности за само по себе обещание или предложение посредничества во взяточничестве, безусловно, вступает в противоречие с важнейшим принципом уголовного права, выраженным известным римским юристом Ульпианом «*Cogitationes poenam nemo patitur*»», считают, что пока, в силу большой латентности коррупционных преступлений, не сложилось достаточной практики применения данных норм, чтобы понять их эффективность в борьбе с коррупцией [26; 189, 190]. Кроме того, обращается внимание на то, что если в предложении и обещании о незаконном вознаграждении находится криминализация обнаружения умысла, то, почему бы тогда не распространить ее на другие, не менее опасные преступления, чем коррупционные, скажем, на убийство и другие преступления против личности? [27]. В то же время есть сторонники, позитивно оценивающие закрепление как в российском, так и казахстанском уголовном законе обещания или предложения посредничества во взяточничестве [28; 162], несмотря на имеющиеся проблемы квалификации взяточничества.

Введение уголовной ответственности за торговлю влиянием видится также преждевременным. В силу того, что в Конвенции ООН против коррупции злоупотребление влиянием в корыстных целях охватывает и обещание/предложение/передачу незаконного преимущества лицу, которое утверждает, что может оказать незаконное влияние на служебное лицо, а также просьбу/получение/принятие предложения или обещания такого преимущества за такое влияние — независимо от того, было ли в действительности оказано такое влияние или привело ли оказанное влияние к нужному результату [29], то казахстанская доктрина уголовного права не преследует за намерение, которое не получило дальнейшего внешнего проявления. Аналогично тому, как и с обещанием получить взятку и предложением дачи взятки. Кроме того, УК РК имеет ст. 307 «Злоупотребление должностными полномочиями» и ст. 308 «Превышение власти или должностных полномочий».

Введение уголовной ответственности юридических лиц за коррупционные правонарушения в настоящее время видится так же несостоятельным в силу противоречия устоявшейся доктрине уголовного права Казахстана. Кроме того, была высказана отрицательная позиция по данному вопросу сообщества предпринимателей и законодательных органов Казахстана. Этот вопрос достаточно дискуссионный. Поскольку для привлечения к уголовной ответственности необходимо установление вины. Латвийский уголовный закон, например, предусматривает не уголовную ответственность юридического лица в случае его причастности к уголовно-наказуемому деянию, а меры уголовно-правового воздействия, не являющиеся уголовным наказанием. Тем не менее, если проработать вопрос о разграничении субъекта уголовного правонарушения и субъекта уголовной ответственности [30; 204], то в перспективе не исключается возможность установления уголовной ответственности юридических лиц, которая может быть по определенным уголовным правонарушениям. Субъектом уголовного правонарушения будет физическое лицо, но, наряду с ним, к уголовной ответственности при определенных условиях может быть привлечено и юридическое лицо. К числу таких условий может быть отнесено по примеру Уголовного кодекса Литвы — совершение уголовно-наказуемого деяния в интересах юридического лица. Бесспорно, при введении уголовной ответственности юридического лица УК РК будет подвергнут кардинальным изменениям как в Общей части, так и Особенной. Вслед за УК изменениям подвергнется УПК РК, УИК РК, многие нормативные Постановления Верховного Суда Республики Казахстан, т.е. будут пересмотрены не только нормативно-правовые акты, но и сложившиеся теоретические подходы к

институту уголовной ответственности. Это не может быть осуществлено без фундаментальных научных исследований и их обсуждения в профессиональной среде.

Отмена кратности штрафов за особо тяжкие коррупционные преступления. Кратность штрафа была заимствована в УК РК из зарубежной практики. Последние изменения в УК РК по увеличению размеров кратных штрафов за дачу взятки и посредничество во взяточничестве соответствуют усилению уголовно-правовых мер пресечения данных правонарушений. Однако вопрос о применении штрафа согласно ч. 3 ст. 41 УК РК должен быть решен судьей с учетом материального положения подсудимого, иначе исполнение приговора будет невозможным. В то время как установление штрафа в кратном размере практически исключает такую возможность, поскольку нижний предел кратности изначально высокий. В этом видится коллизия норм УК РК. Если и отменять кратность штрафа за коррупционные правонарушения, то не за особо тяжкие преступления, как предлагается в проекте Концепции антикоррупционной политики РК, а полностью. Поскольку оставшаяся в УК РК кратность штрафа по коррупционным преступлениям небольшой, средней тяжести и тяжким косвенно может побуждать к необоснованному обогащению в таких размерах, чтобы быть способным на уплату штрафа в кратном размере. Тем не менее следует согласиться с предложением исключить по особо тяжким коррупционным преступлениям наказание в виде кратного штрафа, потому что в таких случаях лица будут лишены свободы и им уже не удастся, как сейчас, избежать более сурового наказания, заплатив кратный штраф, по сути откупиться.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на предложения по усилению противодействия коррупции, которые, не нарушая системности УК РК и, в целом, доктрины уголовного права, легко могут войти в уголовное законодательство и не будут ему чужды.

1. Расширить предмет взятки в УК РК. Для этого необходимо закрепить в УК РК в качестве предмета взятки, наряду с имущественными благами, и неимущественные блага, а также создание неправомерных преимуществ в результате их получения. Закрепив нематериальные блага в качестве предмета взятки, будет устранено понимание взятки как исключительно материальных выгод, тем самым понимание взятки в этой части будет приведено в соответствие с международными стандартами противодействия коррупции. Согласно современной казахстанской доктрине и практике, те или иные неимущественные выгоды или нематериальные блага не признаются предметом взяточничества. В силу этого выгоды неимущественного характера не охватываются УК РК, а также разъяснениями Верховного Суда РК [21]. Общественная опасность неимущественных благ, таких как, например, получение положительной рекомендации или характеристики, гарантирование поддержки при решении какого-то вопроса, влияющего на продвижение по службе, или чтобы скрыть нехорошую сложившуюся ситуацию на самом деле или некомпетентность кого-то и других ничуть не ниже, чем имущественных. Поэтому неимущественные блага, как предмет незаконного обогащения, должны быть также криминализованы.

2. Вернуть запрет на освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности за коррупционные преступления, который убрали из ч. 6 ст. 71 в 2018 г., отсутствие такого запрета не соответствует намерениям непримиримой борьбы с коррупцией. Преступники могут покинуть страну и дальше жить за счет необоснованного обогащения. К тому же могут, просчитав срок давности привлечения их к уголовной ответственности, спокойно вернуться после истечения срока давности. Поэтому введение запрета на освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности явилось бы примером прогрессивной практики усиления противодействия коррупции нормами УК РК.

3. Расширить в УК РК определение публичного должностного лица, включив в него руководителей субъектов квазигосударственного сектора, политических партий. Тем самым их, как использующих имеющиеся у них полномочия для получения неправомерного преимущества, можно будет привлечь к уголовной ответственности. Неправомерные преимущества не должны оказывать никакого влияния на процесс принятия публичных решений и использование полномочий, они должны быть инкриминированы как для всех должностных лиц, исполняющих публичные функции, так и руководителей квазигосударственного сектора и политических партий.

4. Наряду со ст. 247 УК РК «Получение незаконного вознаграждения», которую следует отнести к коррупционным преступлениям, в связи с расширением распространения антикоррупционных норм и на частный сектор, необходимо криминализовать незаконное обогащение должностных лиц, если увеличение их имущества или имущественных прав значительно превысило их законные доходы, которые лицо не может разумным образом обосновать согласно ст. 20 Конвенции ООН против

коррупции. Введение необоснованного обогащения представляется возможным без выделения его в отдельный состав. Как один из вариантов корректировки УК РК, можно предложить следующую редакцию ст. 218 УК РК «Легализация (отмывание) денег и (или) иного имущества, полученных преступным путем», изменив ее название и закрепив в п. 1 ч. 3 незаконное обогащение должностного лица и его родственников:

Статья 218 «Легализация (отмывание) незаконного обогащения»

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные:

1) лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций, либо приравненным к нему лицом, либо должностным лицом, либо лицом, занимающим ответственную государственную должность, если они сопряжены с использованием им своего служебного положения, а равно если в результате данных действий был превышен общий доход должностного лица и (или) его супруги, детей, близких родственников;

2) преступной группой;

3) в крупных размерах, —

наказываются лишением свободы ...

Установив уголовную ответственность за необоснованное обогащение, будет устранено одно из несоответствий УК РК международным стандартам противодействия коррупции.

5. Для обеспечения системности норм и достижения логической последовательности норм УК РК по усилению противодействия коррупционной преступности вслед за отменой условно-досрочного освобождения от наказания по тяжким и особо тяжким коррупционным преступлениям следует ввести запрет на применение ч.1 ст. 55 УК РК к лицам, совершившим коррупционные преступления, закрепив его в ч. 8 данной статьи. Поскольку отмена условно-досрочного освобождения от наказания по тяжким и особо тяжким коррупционным преступлениям особо не отяготит положение осуждённых коррупционеров при оставленной возможности замены наказания более мягким в силу действия ч.1 ст. 55 УК РК. Введение данного запрета согласуется с непримиримой борьбой с коррупционной преступностью.

Кроме того, необходимо устранить из Кодекса об административных правонарушениях составы, устанавливающие ответственность за получение незаконного материального вознаграждения — предоставление незаконного материального вознаграждения физическими лицами; получение незаконного материального вознаграждения лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций, либо приравненным к нему лицом; предоставление незаконного материального вознаграждения юридическими лицами — как дублирующих похожие составы взяточничества УК РК. Такое дублирование не соответствует международным стандартам. Указание в Кодексе об административных правонарушениях на то, что они применяются при отсутствии признаков уголовно-наказуемого деяния недостаточно для разграничения фактического состава данных правонарушений между собой, что, соответственно, не исключает коррупционные риски при квалификации данных деяний.

Выводы

Таким образом, в свете масштабных процессов унификации уголовного законодательства противодействие коррупционным преступлениям для Казахстана имеет особую важность. Казахстан последовательно, шаг за шагом, шел к приведению действующего уголовного законодательства в соответствие с современными потребностями борьбы с коррупционной преступностью. При этом нельзя не сказать о том, что имплементация международно-правовых норм во внутреннее законодательство любой страны без учета ее национальных особенностей чревато неправильным применением данных норм, с возможным нарушением прав человека при этом. Стремясь к совершенствованию уголовно-правовых норм в борьбе с коррупцией, следует на определенное время воздержаться от криминализации обещания получить взятку и предложения дачи взятки, торговли влиянием, установления уголовной ответственности юридических лиц. Признавая то, что есть несоответствие некоторых казахстанских уголовно-правовых норм международным антикоррупционным стандартам, необходимо ввести те из них, которые не противоречат устоявшейся доктрине уголовного права Казахстана. Кроме того, для повышения эффективности реализации антикоррупционной стратегии необходимо полностью исчерпать внутренний ресурс уголовного закона по его совершенствованию. Предложенные в данной статье меры по совершенствованию УК РК позволят повысить эффективность борьбы с кор-

рупцией силами уголовного закона и тем самым снизить коррупционные преступления без изменения доктрины уголовного права Казахстана.

Список литературы

- 1 Razzante R. Chapter 10 The Fight Against Corruption / R. Razzante // Handbook of Research on Trends and Issues in Crime Prevention, Rehabilitation, and Victim Support. — Hershey, Pennsylvania: IGI Global, 2020. — P. 167–186.
- 2 Zimelis A. (Non) Determinants of Corruption: A Sceptical View From Eastern Europe / A. Zimelis // Journal of Comparative Politics, 2011. — Vol. 4 (2). — P. 4–26.
- 3 Rothstein B. and Uslaner E. All for one: equality, corruption, and social trust / B. Rothstein and E. Uslaner // World Politics, 2005. — No. 58(1). — P. 41–72.
- 4 Rothstein B. Social capital in the social democratic welfare state. In Social Traps and the Problem of Trust (Theories of Institutional Design) / B. Rothstein — Cambridge: Cambridge University Press, 2005. — P. 71–91.
- 5 Karklins R. Typology of post-communist corruption / R. Karklins // Problems of Post-Communism, 2002. — No. 49 (4). — P. 22–32.
- 6 Rothstein B. and Tegnhammar M. The Mechanisms of Corruption: Interest vs. Cognition. Prepared for delivery at the Annual Meeting of the American Political Science Association / B. Rothstein and M. Tegnhammar. — Philadelphia: QoG Institute, 2006. — 53 p.
- 7 Стратегия «Казахстан — 2050»: новый политический курс состоявшегося государства. Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана. 14 декабря 2012 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.akorda.kz/tu>
- 8 Сайт организации «Transparency Kazakhstan» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://tikazakhstan.org/>.
- 9 Основы антикоррупционной культуры: учеб. пос. / под общ. ред. д-ра б. наук, профессора Б.С. Абдраилова. — Астана: Академия государственного управления при Президенте РК, 2016. — 176 с.
- 10 Солодов В.В. E-government и борьба с коррупцией / В.В. Солодов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). — 2006. — № 1. — С. 1–16.
- 11 Repucci S. Designing Effective Civil Service Reform Lessons From Past Experience / S. Repucci // Public Administration and Development, 2014. — Volume 34. — Issue 3. Special Issue: Aiding Government Effectiveness in Developing Countries. — P. 207–218.
- 12 Scott Z. Evaluation of public sector governance reforms 2001–2011: literature review / Z. Scott [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.psg.org>
- 13 Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V З РК [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.adilet.zan.kz>
- 14 Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://online.zakon.kz/>
- 15 Указ Президента Республики Казахстан от 26 декабря 2014 года № 986 «Об Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015–2025 годы» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.adilet.zan.kz>
- 16 Концепция антикоррупционной политики на 2022–2026 годы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/anticorruption/documents/details/227922>
- 17 Национальный доклад Республики Казахстан о противодействии коррупции за 2020 год [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.gov.kz/>
- 18 В Казахстане ущерб по коррупционным делам за 2020 год побил рекорд [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://kursiv.kz/news/obschestvo/2021-02/v-kazakhstan-uscherb-po-korruptcionnym-delam-za-2020-god-pobil-rekord>
- 19 Сидоренко Э.Л. Реформирование российского антикоррупционного законодательства: требование ОЭСР или правовая необходимость / Э.Л. Сидоренко // Вестн. МГИМО-Университета. — 2014. — № 3(36). — С. 188–194.
- 20 Сидоренко Э.Л. К вопросу о целесообразности криминализации обещания и предложения взятки / Э.Л. Сидоренко // Общество и право. — 2017. — № 1(59). — С. 40–44.
- 21 Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 27 ноября 2015 года № 8 «О практике рассмотрения некоторых коррупционных преступлений» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://online.zakon.kz/>
- 22 Рахметов С.М. Об имплементации в законодательство Республики Казахстан норм международных конвенций, направленных на борьбу с коррупцией / Правовые проблемы противодействия коррупции: материалы Междунар. науч. конф. (2 ноября 2011 г.). — М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2012. — С. 41–45.
- 23 Коррупция в Кыргызской Республике и ее предупреждение / сост. Л.Ч. Сыдыкова, Н.Н. Сулайманова. — Бишкек: Изд-во КРСУ, 2016. — 297 с.
- 24 Алимов Г.А. Теневая экономика, коррупция, взяточничества: уголовно-правовая оценка / Г.А. Алимов, Б.И. Исроилов. — Ташкент: Изд-во «Адолат», 2020. — 185 с.
- 25 Казинян Г.С. Правовые проблемы противодействия коррупции в Республике Армения / Правовые проблемы противодействия коррупции: материалы Междунар. науч. конф. (2 ноября 2011 г.). — М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2012. — С. 46–49.
- 26 Кожухарик Д.Н. Уголовно-правовая характеристика посредничества во взяточничестве / Д.Н. Кожухарик, Т.Г. Кудрявцева / Взаимодействие органов государственной власти при расследовании преступлений коррупционной направленности: проблемы и пути их решения: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня

рождения выдающегося российского учёного Николая Сергеевича Алексеева (23 октября 2014 г.). — М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. — С. 187–190.

27 Крылов Е. Борьба с коррупцией методом проб и ошибок / Е. Крылов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://justicemaker.ru/view-article.php?id=21&art=1898>

28 Хасенова А.Р. Спорные положения разъяснений Верховного Суда Республики Казахстан по вопросам квалификации взятничества / А.Р. Хасенова // Вестн. Ин-та законодательства и правовой информации Республики Казахстан, 2019. — № 3(57). — С. 157–163.

29 Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.un.org>

30 Волженкин Б.В. Служебные преступления / Б.В. Волженкин. — М.: Юрист, 2000. — 368 с.

Е.В. Мицкая

Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексін жетілдіру арқылы сыбайлас жемқорлыққа қарсы стратегияны іске асырудың тиімділігін арттыру

Сыбайлас жемқорлық құқық бұзушылық үшін жауапкершілікті күшейту жөнінде ұсыныстар әзірлеу мақсатында мақалада салыстырмалы-құқықтық әдіс, қылмыстық-құқықтық нормаларды түсіндіру негізінде қазақстандық қылмыстық құқық доктринасын ескере отырып, ұлттық қылмыстық заңнамаға сыбайлас жемқорлыққа қарсы іс-қимылдың халықаралық стандарттарын имплементациялаудың ғылыми негізделген сипатына назар аударылған. Сыбайлас жемқорлыққа қарсы күрес жөніндегі Ыстамбұл іс-қимыл жоспары мониторингінің 4-раундының кейбір ұсыныстарының орындалуы қылмыстық заң нормаларының қазақстандық қылмыстық құқық доктринасына қайшы келетіндігіне байланысты оларды қолдану проблемаларына тап болуы мүмкін. Қазақстанның сыбайлас жемқорлыққа қарсы саясатының жаңа тұжырымдамасында баяндалған сыбайлас жемқорлық құқық бұзушылықтар үшін жауапкершілікті күшейту ұсыныстарына ерекше назар аударып, автор қазақстандық қылмыстық құқық доктринасына қайшы келмейтін сыбайлас жемқорлыққа қарсы іс-қимылдың халықаралық стандарттарының нормаларын ғана имплементациялауды ұсынған. Пара беру субъектісін тек мүлктік пайдамен шектеуші түсінуді жою қажет, лауазымды тұлғаны көпшілікке жариялауды кеңейту, негізсіз баюға тыйым салу, сол арқылы сыбайлас жемқорлық көріністеріне қылмыстық заңның репрессиялық күшін шектеулі таралуын болдырмау керек. Бұл ретте сыбайлас жемқорлыққа қарсы қылмыстық-құқықтық күрестің ішкі ресурсын да пайдалану ұсынылады, Қазақстанның Қылмыстық кодексін түзету бойынша, оның ішінде ҚР ҚК-де және әкімшілік заңнамада сыбайлас жемқорлық құқық бұзушылықтардың қайталануын жою бойынша тиісті ұсыныстар енгізіледі.

Кілт сөздер: сыбайлас жемқорлық, сыбайлас жемқорлыққа қарсы іс-қимылдың халықаралық стандарттары, қылмыстық заң, сыбайлас жемқорлық құқық бұзушылықтарды жасағаны үшін жауапкершілікті күшейту, заңсыз сыйақыдан баю, уәде беру, ықпал ету саудасы, заңсыз (негізсіз) байыту, лауазымды тұлғаны көпшілікке жариялау.

E. V. Mitskaya

Improving the effectiveness of the implementation of anti-corruption strategy through the improvement of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan

Based on the comparative-legal method, interpreting criminal law norms, considering the doctrine of Kazakh criminal law, this study pays attention to the science-based nature of implementing international standards of combating corruption in national criminal law to develop proposals to strengthen liability for corruption offenses. Implementation of some recommendations of the 4th round of monitoring of the Istanbul Anti-Corruption Action Plan is fraught with application problems of criminal law norms as they contradict the doctrine of Kazakh criminal law. To strengthen liability for corruption offenses, set out in the new Concept of anti-corruption policy of Kazakhstan, the author proposes to implement only those norms of international standards of combating corruption, which does not contradict the doctrine of Kazakhstani criminal law. It is necessary to eliminate the restrictive understanding of the subject of bribery only by property benefits, expand the public official's understanding, enshrine unjustified enrichment, thereby eliminating the limited spread of the repressive power of criminal law on manifestations of corruption. Besides, the author suggests using the internal resource of criminal law to combat corruption. Appropriate proposals are made to adjust the Criminal Code of Kazakhstan, including the elimination of duplication of corruption offenses in the Criminal Code of Kazakhstan and the administrative law.

Keywords: corruption, international anti-corruption standards, criminal law, strengthening liability for corruption offenses, offer, promise of illegal remuneration, trading in influence, unlawful (unjustified) enrichment, public official.

References

- 1 Razzante, R. (2020). Chapter 10 The Fight Against Corruption. Handbook of Research on Trends and Issues in Crime Prevention, Rehabilitation, and Victim Support. Hershey, Pennsylvania: IGI Global.
- 2 Zimelis, A. (2011). *(Non) Determinants of Corruption: A Sceptical View From Eastern Europe*. *Journal of Comparative Politics*, 4 (2), 4–26.
- 3 Rothstein, B., & Uslaner, E. (2005). All for one: equality, corruption, and social trust. *World Politics*, 58(1), 41–72.
- 4 Rothstein, B. (2005). *Social capital in the social democratic welfare state*. In *Social Traps and the Problem of Trust (Theories of Institutional Design)*. Cambridge: Cambridge University Press.
- 5 Karklins, R. (2002). Typology of post-communist corruption. *Problems of Post-Communism*, 49 (4), 22–32.
- 6 Rothstein, B., & Tegnhammar, M. (2006). *The Mechanisms of Corruption: Interest vs. Cognition*. Prepared for delivery at the Annual Meeting of the American Political Science Association. Philadelphia: QoG Institute.
- 7 Strategiiia «Kazakhstan — 2050»: novyi politicheskii kurs sostoiavshegosia gosudarstva. Poslanie Prezidenta Respubliki Kazakhstan N.A. Nazarbaeva narodu Kazakhstana. 14 dekabria 2012 g. [Strategy “Kazakhstan–2050”: a new political course of the established state. Message of the President of the Republic of Kazakhstan N.A. Nazarbayev to the people of Kazakhstan]. *akorda.kz/ru*. Retrieved from <https://www.akorda.kz/ru> [in Russian].
- 8 Sait organizatsii «Transparensy Kazakhstan» [Corporate site Transparency Kazakhstan]. *tikazakhstan.org*. Retrieved from <http://tikazakhstan.org/> [in Russian].
- 9 Abdrasilov, B.S. (Eds.). (2016). *Osnovy antikorrupcionnoi kultury [Fundamentals of Anti-Corruption Culture]*. Astana: Akademiia gosudarstvennogo upravleniia pri Prezidente RK [in Russian].
- 10 Solodov, V.V. (2006). E-government i borba s korruptsiei [E-government and the fight against corruption]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 21. Upravleniie (gosudarstvo i obshchestvo) — Bulletin of the Moscow University. Series 21. Management (state and society)*, 1, 1–16 [in Russian].
- 11 Repucci, S. (2014). Designing Effective Civil Service Reform Lessons From Past Experience. *Public Administration and Development*, Vol. 34, Issue 3. Special Issue: Aiding Government Effectiveness in Developing Countries, 207–218.
- 12 Scott, Z. (2011). Evaluation of public sector governance reforms 2001-2011: literature review. *psgr.org*. Retrieved from <http://www.psgr.org>.
- 13 Kodeks Respubliki Kazakhstan ob administrativnykh pravonarusheniiah ot 5 iulia 2014 goda № 235–V [Code of the Republic of Kazakhstan on Administrative Offences of July 5, 2014 No. 235-V]. *adilet.zan.kz*. Retrieved from <http://www.adilet.zan.kz> [in Russian].
- 14 Ugolovnyi kodeks Respubliki Kazakhstan ot 3 iulia 2014 goda № 226–V [Criminal Code of the Republic of Kazakhstan of July 3, 2014 No. 226-V]. *online.zakon.kz*. Retrieved from <https://online.zakon.kz/> [in Russian].
- 15 Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 26 dekabria 2014 goda № 986 «Ob Antikorrupcionnoi strategii Respubliki Kazakhstan na 2015–2025 gody» [Presidential Decree of December 26, 2014 No. 986 “On the Anti-Corruption Strategy of the Republic of Kazakhstan for 2015–2025”]. *adilet.zan.kz*. Retrieved from <http://www.adilet.zan.kz> [in Russian].
- 16 Kontsepsiia antikorrupcionnoi politiki na 2022–2026 gody [Concept of anti-corruption policy for 2022–2026]. *gov.kz*. Retrieved from <https://www.gov.kz/memleket/entities/anticorruption/documents/details/227922> [in Russian].
- 17 Natsionalnyi doklad Respubliki Kazakhstan o protivodeistvii korruptsii za 2020 god [National report of the Republic of Kazakhstan on combating corruption in 2020]. *gov.kz*. Retrieved from <https://www.gov.kz/> [in Russian].
- 18 V Kazakhstane usherb po korruptsionnym delam za 2020 god pobil rekord [In Kazakhstan, damage in corruption cases for 2020 broke a record]. *kursiv.kz*. Retrieved from <https://kursiv.kz/news/obschestvo/2021-02/v-kazakhstane-usherb-po-korruptsionnym-delam-za-2020-god-pobil-rekord> [in Russian].
- 19 Sidorenko, E.L. (2014). Reformirovanie rossiiskogo antikorrupcionnogo zakonodatelstva: trebovanie OESR ili pravovaia neobkhodimost [Reforming Russian anti-corruption legislation: OECD requirement or legal necessity]. *Vestnik MGIMO-Universiteta — Bulletin of MGIMO University*, 3(36), 188–194 [in Russian].
- 20 Sidorenko, E.L. (2017). K voprosu o tselesoobraznosti kriminalizatsii obeshchaniia i predlozheniia vziatki [On the appropriateness of criminalizing the promise and offer of a bribe]. *Obshchestvo i pravo — Society and law*, 1(59), 40–44 [in Russian].
- 21 Normativnoe postanovlenie Verkhovnogo Suda Respubliki Kazakhstan ot 27 noiabria 2015 goda № 8 «O praktike rassmotreniia nekotorykh korruptsionnykh prestuplenii» [Regulatory Resolution of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan of November 27, 2015 No. 8 “On the Practice of Consideration of Certain Corruption Offenses”]. *online.zakon.kz*. Retrieved from <https://online.zakon.kz/> [in Russian].
- 22 Rakhmetov, S.M. (2012). Ob implementatsii v zakonodatelstvo Respubliki Kazakhstan norm mezhdunarodnykh konventsii, napravlennykh na borbu s korruptsiei [On implementation in the legislation of the Republic of Kazakhstan norms of international conventions aimed at combating corruption]. *Pravovye problemy protivodeistviia korruptsii: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (2 noiabria 2011 goda) — Legal problems of anti-corruption: materials of International Scientific Conference (pp. 41–45)*. Moscow: Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniia pri Pravitelstve Rossiiskoi Federatsii; ID «Jurisprudentsiia» [in Russian].
- 23 Sydykova, L.Ch., & Sulaymanova, N.N. (2016). *Korruptsiia v Kyrgyzskoi Respublike i ee preduprezhdenie [Corruption in the Kyrgyz Republic and its prevention]*. Bishkek: Izdatelstvo KRSU [in Russian].
- 24 Alimov, G.A., & Isroilov, B.I. (2020). *Tenevaia ekonomika, korruptsiia, vziatochnichestva: ugolovno-pravovaia otsenka [Shadow economy, corruption, bribery: criminal law assessment]*. Tashkent: Izdatelstvo «Adolat» [in Russian].

25 Kazinyan, G.S. (2012). Pravovye problemy protivodeistviia korruptsii v Respublike Armeniia [Legal Problems of Counteracting Corruption in the Republic of Armenia]: *materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* (2 November, 2011 goda) – materials of International Scientific Conference (pp. 46–49). Moscow: Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniia pri Pravitelstve Rossiiskoi Federatsii; ID «Jurisprudentsiia» [in Russian].

26 Kozhukharik, D.N., & Kudryavtseva, T.G. (2014). Ugolovno-pravovaia kharakteristika posrednichestva vo vziatochnichestve [Criminal law characteristics of mediation in bribery]. *Vzaimodeistvie organov gosudarstvennoi vlasti pri rassledovanii prestuplenii korruptsionnoi napravlenosti: problemy i puti ikh resheniia: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu so dnia rozhdeniia vydaushchegosia rossiiskogo uchenogo Nikolaia Sergeevicha Alekseeva* (23 oktiabria 2014 goda) – Interaction of public authorities in the investigation of crimes of corruption: problems and solutions: materials of the International Scientific-Practical Conference devoted to the 100th anniversary of the outstanding Russian scientist Nikolai Sergeevich Alekseev (pp. 187–190). Moscow: Akademiia Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii [in Russian].

27 Krylov, Ye. (2011). Borba s korruptsiei metodom prob i oshibok [Fighting corruption by trial and error]. *justicemaker.ru*. Retrieved from <https://justicemaker.ru/view-article.php?id=21&art=1898> [in Russian].

28 Khasenova, A.R. (2019). Spornye polozheniia raziasnenii Verkhovnogo Suda Respubliki Kazakhstan po voprosam kvalifikatsii vziatochnichestva [Disputable provisions of the explanations of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan on the qualification of bribery]. *Vestnik Instituta zakonodatelstva i pravovoi informatsii Respubliki Kazakhstan — Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan*, 3(57), 157–163 [in Russian].

29 Konventsiiia Organizatsii Obedinennykh Natsii protiv korruptsii [United Nations Convention against Corruption]. *un.org*. Retrieved from <https://www.un.org> [in Russian].

30 Volzhenkin, B.V. (2000). *Sluzhebnye prestupleniia [Official Crimes]*. Moscow: Yurist [in Russian].